

Помоги ему, Господи

повесть

Валентина Астапенко

Валентина Викторовна Астапенко

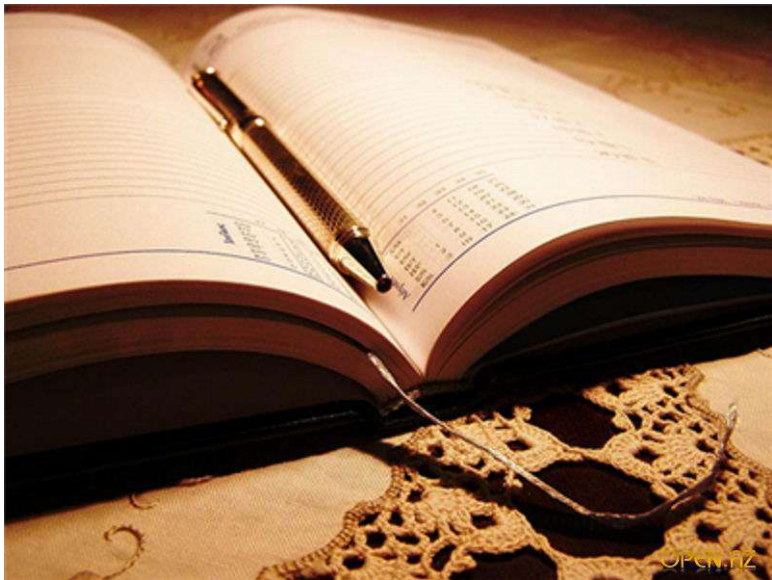
Помоги ему, Господи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28516041

SelfPub; 2017

Аннотация

День за днем Ирина пишет о своих впечатлениях в дневник. Что произошло и что будет дальше. Пьющий муж. Сколько раз она порывалась уйти сама и заставить его бросить пить. Женские переживания и новые испытания...

Помоги ему, Господи повесть

Валентина Астапенко

ПОМОГИ ЕМУ, ГОСПОДИ

Зарубки на память

Ирина прилепилась к стене, неудобно скрючив ноги на диване. Её знобило. Зажав нос, чтобы не задохнуться от невыносимого перегара, мысленно посмеялась над собой: «Как бездомная нищенка около тёплой навозной кучи...»

Загремел будильник, безжалостно пробудив мучительное «Как жить дальше?» Не решаясь расслабить окаменевшее тело, она судорожно сглотнула слюну и замерла.

Тяжело застонал, заохал Анатолий. Растирая виски, прошёл в ванную. Было слышно, как, чихая, сморкаясь и крихтя, плескался водой.

– Ира, я что-нибудь натворил вчера? – он присел на краешек дивана.

Она молчала. Заглянул в обезображенное лицо и осторожно дотронулся указательным пальцем до почерневшей брови. Дёрнув желваками, понизил голос до хрипоты:

– Иринка, прости! Что я наделал, дурак... Прости, Ирочка... Это не повторится никогда... Я обещаю тебе. Ну, дурак, ну, дурак! Ты не уйдёшь от меня? – и небрежно мазал рукавом по своим влажным глазам. – Больше никогда не возьму отравы этой в рот!

Анатолий ушёл на работу. Ирина натянула на себя сполз-

шее одеяло. Согревшись, попыталась ни о чём не думать – задремать. Но от себя не уйдёшь, не уедешь. Буравил единственный вопрос «Как жить дальше?»

Встала, походила по квартире, умылась. Снова почувствовав озноб, натянула шерстяную кофту, укрылась ватным одеялом и закрыла глаза. «Хорошо, что дети сейчас у свекрови и не видят хотя бы сегодняшнего. А ведь как здорово всё начиналось... даже дневник вела. Кстати, где он у меня? Ах, да – в чемодане с бумагами. Догадалась хоть убрать подальше от греха».

Поднялась. Воровато озираясь по сторонам, проверила, закрыта ли дверь, достала чемодан из «тёщиной» комнаты и стала лихорадочно искать. Вот он, хранитель её тайн, нашёлся! Открыла первую попавшуюся страницу.

«16.06.1969г.

Завтра Толик уезжает на практику. А я, дурёха, сегодня умудрилась испортить ему настроение с самого утра. Не знаю, почему, но меня больно укололи его слова, сказанные вроде бы в шутку: «ты моя косолапенькая, конопатенькая, носик бульбочкой...»

Я поднялась, привела себя в порядок и собралась идти на работу. Взяла портфель и вышла в коридор. Слышу, Толя кричит: «Ир, поешь сначала, потом пойдёшь!» Я, конечно, назло ему, не говоря ни слова, выскакиваю на улицу. Вижу, он из окна смотрит, улыбается. Возвращаюсь, снимаю обру-

чальное кольцо и кладу на стол. Он не замечает. Сажусь есть. Он говорит: «А где твоё кольцо?» – «На столе...» – «Почему не надеваешь?» – «Потом». А у самой всё хрипит от обиды. Выхожу за ворота. Он схватил за руки и не отпускает, пока не надену.

– Для меня и так сойдёт, для косолапой-то...

Он, видно, не понял и спрашивает:

– Ну, чем я тебя ещё обидел, чем – скажи!

Смотрю, его мама выглядывает из окна. Я пошла. Толик вызвался проводить немного: в институте не было первой пары. Когда отошли на приличное расстояние от дома, он вспыхнул вдруг:

– Может, всё-таки скажешь?

– Ты видел, на ком женился. Возьми это кольцо и надень его другой, с красивым личиком и стройными ножками...

Он всё понял, даже не дал договорить, сграбастал в охапку, пролепетал какие-то извинения, вроде: «Я так сказал, потому что мне нравятся твои веснушки, и твой носик, и твои ножки». И окольцевал мой безымянный палец. Вырвавшись, я побежала что было духу. Не знаю, стоял ли он, глядя мне вслед, или ушёл.

На работе весь день была рассеянной, переваривая утреннюю «кашу».

Знаю наверняка, что люблю Толика и чувствую его взаимность. Всегда хочется, чтобы он был рядом, гладил моё лицо тёплыми ладонями и нежно целовал. Он очень забот-

ливый, ласковый. И что мне ещё надо?! Я понимаю, что веду себя словно капризный ребёнок. Хочу, чтобы меня носили на руках и не смели ни в чём упрекнуть. А иначе – соберусь и уйду. Показать и доказать, что я сильная и сама всё смогу. Пусть уже даже не симпатичная, как раньше, а с веснушчатым лицом от мартовского солнца, пусть с первыми морщинками, которые так охотно усаживаются под глазами. Пусть такая! Но меня это не убьёт. Нет! А наоборот – ведь у меня будет ребёнок, крохотное создание, моё повторение, моя Ирка. Такая же дурнушка, такая же принципиальная».

«17.06.1969г.

Встали в пять утра. Спать хочется страшно... И вот уже подошёл поезд. Была бы моя воля, так ни за что бы его не отпустила! Смотрит на меня, целует жаркими губами и греет мои щёки своими. Если бы не было рядом его сестры, наверняка бы разрыдалась: Толика не будет со мной целых два месяца! Как это пережить?...»

«23. 06.1969г.

Нет обещанного письма. Успокаиваю себя: может, оно задержалось в пути, может, Толик ещё не устроился на работу и напишет чуть позже. А может... а может, сходил на танцы, познакомился с хорошей девчонкой. Ну, думает, к чему такая ему жена, ревнивая и вечно дутая?!

С работы возвращаюсь в отличном настроении. Ведь сего-

дня-то обязательно мне скажут: «Пляши, тебе письмо!» Вхожу в дом – говорят о чём угодно, только не о почте. Переодеваюсь и иду поливать огород, но оказывается, что сегодня не нужно. И я отправляюсь за огороды. Закусываю губы. Слёзы градом по щекам. Грызут обида, горечь и одиночество. Да ещё добивает жуткая тошнота. Даже немного стало страшновато за себя. Вот если бы рядом был Толя, он бы помог, успокоил... А вон и дорога, по которой я чуть было не ушла. Навсегда. Вот дурёха-то ревнивая!

Мы были на свадьбе у Толиного друга. В основном компания девчонок. Но тут шлёпнуло по нервам его усердное внимание к сидящей рядом с ним. Это место предложил ей сам. Я скисла и, не в состоянии обуздать себя, вышла на улицу. Толя – следом. И тысяча упрёков: ты и такая, ты и сякая, всегда настроение испортишь!

– Я пошла домой.

– Пошли! – и наговорил мне кучу дерзостей.

Я улыбаюсь. Сквозь гнев и слёзы.

– Никогда тебе этого не прощу. Никогда... – шепчу я. Потом почти кричу: – А вещишки можно собирать прямо сейчас? Или немного погода?

– Это твоё дело. А сейчас идём к родичам. Посмотрим, что ты им ответишь.

– Отвечать ни перед кем не собираюсь. Боже мой, причём здесь родичи?

Он зашагал решительно, почти бегом. Я тащилась следом,

всё замедляя шаг, потом, усмехнувшись, развернулась и подалась в обратную сторону. Ещё не успев завернуть за угол первого попавшегося дома, слышу: бежит. Глаза готовы в бешенстве уничтожить меня:

– Ты что?

– Да ничего! Проводи, пожалуйста, – и беру его легонько под руку.

– А ты куда?

– Туда, откуда меня взял.

– Ирка, ты что задумала, а? Уходишь от меня? Ты с ума сошла!?

Я молчу. Сердце колотится, губы кривятся, душат слёзы. Зажал меня, словно в тиски.

– Скажи, не уйдёшь от меня? Не уйдёшь? Это никогда больше не повторится. Я никуда тебя не отпущу! Ну, хоть что-нибудь ответь! – и, казалось, сам чуть-чуть не разрыдался...»

«24.06.1969г.

И что за ерунда, честное слово! На работе, как в аду. Пока есть посетители, всё нормально. Но стоит остаться наедине с собой – всё буквально валится из рук. Набираю чернила – опрокидывается, как нарочно, чернильница. Директор сквозь улыбку ругается:

– И что у нас за секретарша такая: опять запачкала стол! Зачем только я отдал тебя замуж?

Держу в руках почту – газеты рассыпаются по полу.

– Ну, что с тобой сегодня, а? Влюбилась?

Кое-как доработала. Скорей домой: может, есть письмо! А может, и нет письма... «Но ты, Ириха, не переживай, всё будет путём! Не сегодня, так обязательно завтра. Успокойся!» Дохожу до своих ворот. Останавливаюсь. Перевожу дыхание. Сердце трепещет пойманной птичкой. Вот-вот выскочит наружу. Постою минутку. Сейчас, сейчас открою калитку... Страшно, как перед экзаменом...

– Пляши! Тебе письмо!

...Всё оказалось очень просто. Через два дня после приезда Толик отправил письмо. А потом оно болталось неизвестно где.

Душа моя действительно плясала от радости. Толя обращался ко всем сразу. Следовала длинная история устройства в общежитие и на работу, и только в самом конце – несколько тёплых строчек для меня. Я сотни раз перечитывала их, плакала и смеялась: значит, любит? Значит, любит!»

«29.01.1970г.

Как же быстро летит время! Я немного освоилась в новой семье. Теперь не мучаюсь тем, куда себя деть и как себя вести. Иной раз до того неудобно было к столу подойти, что ложилась спать голодной. Частенько просила мужа принести кусок хлеба с солью и стакан воды, дескать, таков каприз моего желудка. А есть-то хотелось!.. Как никогда! Но сказать Толе стеснялась. Молчала и злилась. Превращалась

в грубую, чѣрствую невротичку. На этой почве часто ссорились. Я выводила его из терпения своей кислой физиономией. Он порывался даже ударить меня. Но когда остывал, умолял объяснить, почему я такая злюка. А потом просил прощения за дикий порыв. Частенько я ревела. Вовсе не от того, что была оскорблена. Знала, что сама заработала. Язык не поворачивался раскрыть истинную причину моего поведения. Ругала себя за это, ненавидела за это, однако всё повторялось, как и прежде.

Постепенно моѣ стеснение проходило. Отношения с Толей улучшались с каждым днѣм. Прекратились его дурацкие упрѣки: «Ты не любишь меня! Мне надоело вымаливать у тебя ласку: насильно мил не будешь. Если не хочешь со мной жить – скатертью дорожка! А ребѣнка я тебе всё равно не отдам, так и знай! Он – мой!»

Конечно же, всё это глупости, детство. Мы ни за что этого не допустим, потому что жить друг без друга просто не сможем. А «короед» наш будущий – неделим, как и любовь наша – неделима. Разве я могу представить жизнь с малышом, но без Толи? Нет, нет и нет!

Наконец наши размолвки стали очень редкими, а главное – почти безболезненными.

И вот вчера Толя уезжал на практику. Слава Богу, сдал все экзамены. Теперь у него ещё впереди – дипломная работа.

Проводили на поезд. Опять он меня оставил. Правда, не одну. И это здорово! Всего какие-нибудь две-три недельки,

и у груди своей буду согревать нашего малыша. Только вот разбирает страх, а вдруг... Мало ли что может быть. Но себя уже приготовила ко всему. Что должно быть, то и будет. Надо надеяться на лучшее. Не я первая, не я последняя».

«1.02.1970г.

Вчера в сутолоке дня и не заметила, как подошёл вечер. Книга, которая отвлекла меня от всего земного, вдруг стала ненавистной. Отложила её в сторону. И сразу же начался приступ ужасной тоски. Готова была вот-вот зареветь белугой: так захотелось увидеть моего милого человека. Моего Толика. И чем он сейчас занимается в эти минуты? Думает ли обо мне?

Однако, чтобы не поддаваться искушению расслабиться, как случилось в прошлое его отсутствие, решила пораньше лечь спать.

...Проворочалась всю ночь. В пять утра, после ухода све-крови на работу, всё же пришлось взять в руки Свифта и пролистать несколько глав. Едва задремала – препротивно затрещал будильник. Чтобы не соблазниться бездельем, под-нялась и усердно взялась за работу. Оказывается, она надёжно отвлекает от тоски. Но больше всего успокаивает мысль, что буквально дня через два-три получу от Толика письмо. И всё будет отлично!»

«16.07.1970г.

Минуло почти полгода. И сколько событий!..

Ночью вызвали скорую. Это случилось 15 февраля. Меня не покидало странное чувство: вот-вот произойдёт что-то очень важное, очень значительное, отчего сердце замирало в груди, как у ребёнка на высокой карусели.

...В комнате роддома я скромно лежала на угловой кровати и с большим вниманием следила за происходящим. Молоденькие будущие мамы тяжело переносили последние минуты перед родами. Одни тихо плакали, ухватившись за спинки кровати; другие стонали, сжав до скрипа зубы; третьи рыдали, проклиная день замужества, а вместе с ним и мужа. Беспорядочные выкрики сливались в какой-то единый поток рёва. Здесь оставаться не было никаких сил.

Вышла в коридор. И вдруг слышу плач младенца. В один миг всё переворачивается в моей душе. На глазах выступают слёзы. Слёзы ликования – у кого-то родился ребёнок! Через час-другой тоже стану матерью!.. И я просто задыхаюсь от счастья.

Но вот уже лежу на столе, измученная, с пересохшими, покусанными губами. Кто же, кто у меня? Сын? Дочь? Доченька! И первая мысль – какая радость для Толи! Он давно уже выбрал ей имя – Катерина.

Только через два дня обещали принести кормить. Всё изболелось у меня за эти сорок восемь часов: «Как она там, моя дорогая малышка? Не болеет ли? Не плачет ли? Не голодала ли? И вообще, какая из себя?»

До первого кормления – ещё целых два часа! Заныло сердце: пробудилась тревога. Час. Тридцать минут. Пять минут. Еле сдерживаю волнение – несут мой драгоценный свёрток. Чувствую, как у меня дрожат руки и губы. И вот, наконец-то, у груди лежит наша дочушка. Моя и Толина. Я ласкаю её нежными взглядами и что-то шепчу хорошее, сладкое.

...Катюшка была здоровенькой, хорошо прибавляла в весе. Это радовало. А я из-за осложнения неделю провалялась в кровати. Как завидовала тем, кто в первый раз чуть ли не ползком слез с больничной койки. Оказывается, какое же это счастье – ходить! Захочешь – медленно, а пожелаешь – быстро. На собственных ногах!

Не могла дожидаться разрешения врача. Наконец с трудом приподнимаюсь на локтях и аккуратно ставлю ноги на пол. Люди, я почти отлично стою! Правда, смешно и обидно до слёз: похожа на только что родившегося телёнка. Держась за спинку кровати, сделала первый шаг. Током ударило по ногам. Закружилась голова. С трудом, но устояла. Шаг за шагом передвигалась по палате. Долго, с наслаждением.

К ночи поднялась температура. Постоянное недосыпание, почти непрерывный плач детей в расположенной рядом комнате тупо давили на утомлённый мозг. Не знаю, почему – то страх обуял меня: а вдруг не выживу? Эта гадкая мыслишка больно стучала по вискам. И с каждым днём всё сильнее. Впервые за время пребывания в роддоме появились тайные

слёзы.

А вскоре приехал с практики Толя. Стоит у окна, улыбается. Довольный. Я смотрю на него и чувствую, как хандра начинает отступать. Показала в окно наш свёрточек... Но муж ушёл, и опять стали мучить страшные мысли. Температура не спадала. Я впала в безнадёжное отчаянье и замкнулась в себе. Единственным желанием было выпасться. Хотя бы забыться на мгновение. Но сна не было. Попросила снотворное – не дали. Вскоре заболела грудь. Ребёнка временно перестали носить на кормление. Всё это копилось в какой-то огромный узел. Нервы на пределе. Забыла напрочь обо всём на свете: о муже, друзьях, родных, институте. Пропал аппетит. Через силу толкала в рот еду, хотя бы ради того, чтобы не исчезло молоко. Постепенно уходила в свою скорлупу.

Но однажды лечащий врач сказала: «Да у Вас совсем неплохо, дружочек мой! Скоро домой пойдёте». Я гляжу на неё и не верю своим ушам. Чуть не бросилась ей на шею!

Видимо, от нахлынувшего волнения поднялась температура. Но я встала, чтобы съесть яблоко: пробудился зверский аппетит. Не терпелось сообщить о выписке родным.

И вот мы едем в такси. С доченькой. Настроение преотличное.

...А дома наша малютка почему-то разревелась. И уже не переставала плакать ни днём ни ночью. Голова моя будто наливалась свинцом и готова была лопнуть от барабанной дробы в висках. Опять поднялась температура. Испугалась,

что теперь никогда – никогда не усну. Когда качку с ребёнком уносили в другую комнату, спи – не хочу! Но стоило закрыть глаза, тут же одолевали кошмары. Чудилось, что попала в душную пещеру. Нет воздуха, и я кричу: «Дайте подышать!..» И снова задолбила дурь: «Наверное, умру... умру... умру...»

Толина мама много раз объясняла мне: «Нельзя внушать себе плохое, люди даже умирают от этого». И я рада бы обречь себя, но малышка плакала и плакала. Почти три месяца. Постепенно и всё навязчивее вселялась мысль о скорой смерти. Но это уже не пугало. Страшнее было другое – предстоящее сумасшествие, которое вот-вот настигнет... Скорее, скорее, пока ещё в здравом уме, покончить всё разом. Это было твёрдое решение. Всё. Скорлупа почти закрылась. Осталось выбрать средство. Какое? Раздражали разговоры, телевизор, радио – всё, что отвлекало от задуманного. Перестала разговаривать. Заберусь в свою комнатку с дочкой и стою там или сижу, не высывая оттуда носа, пока почти силком не заставят выйти хотя бы поесть. Ничто уже не радовало: выхода найти не могла!

Может, попробовать нашатырным спиртом? Дождалась, когда из дома все ушли. Нашла его в кладовке. Выпить. Выпить – но как? Прямо из горлышка? Скорей, скорей! А куда уйдёшь, если Катюшка плачет? Что же делать-то? Ой, кто-то калиткой стукнул. Ставлю быстро на место, прячусь в своё убежище и погружаюсь опять в болото дури. Нет, показав

лось, никого нет. Кажется, Катюня уснула – молчит. А мне не до сна сейчас... Вдруг вспоминаю, что у Толиной матери есть таблетки... Точно! Выпить снотворное: то ли морфий, то ли морфин... Куда его положили? Ах, да, в комод, в верхнем ящике. Вот оно, моё избавление от ужасных мук! Здесь хватит – целая горсть. Вышла на кухню за стаканом воды. Неожиданно открывается дверь – входит Толя.

– Ты что делаешь, а? – и выбивает таблетки из руки.

– Ничего. Нечаянно рассыпала. Вот собрала, хотела положить обратно.

...Ночью я покормила доченьку и снова достала эти таблетки. Решила, что шести хватит. Минут через двадцать-тридцать закончатся мои страдания. Страшно? Нет! И мигом проглотила. Сколько – не помню. Прижалась к Анатолию и, успокоенная, заснула.

Очнулась во второй половине следующего дня. Свекровь отпаивала меня молоком.

– Дуришка ты, Иришка, ведь этим не отравишься...

Я попыталась встать, однако ноги не слушались. Я сгорала от стыда.

Толя изнервничался, глядя на моё поведение. Уже и ругался, и страшал, что бросит, а ребёнка не отдаст. Но для меня теперь это было неважно. Важнее – найти другой выход.

...Уже завтра – на работу. Ну, какой теперь я работник? Что делать? Что делать? Ладно, сегодня лягу спать, потом что-нибудь придумаю. Пришло утро – а так ничего и не при-

думала.

Отсидела в кабинете положенные восемь часов. За весь день заглянули только две учительницы. На бегу спросили, как здоровье, как ребёнок. Ответила кивком головы. Хотелось пойти к директору и честно признаться: «Толку от меня никакого, гоните в шею!»

С неделю входила в свою колею. И тут я, наконец-то, «просыпаюсь». Боже мой, какой дикий «сон»! Чуть-чуть не наделала беды. Потихоньку, шаг за шагом, стала оценивать свои поступки. Могла ведь совсем оттолкнуть от себя мужа. Прости, милый мой Толик!

...Катюшка становилась всё спокойнее, улыбалась по любому поводу, играла, за волосы таскала всех домашних. Скорей, скорей налаживать и выправлять, не всё ещё потеряно! Не всё...»

«19.03.1972г.

У нас много изменений. Живём теперь в посёлке, куда Анатолий получил направление. Катюшка уже самостоятельно рассуждает о просмотренных картинках в книжках, чаще просится гулять, сама умывается, выполняет наши мелкие поручения, стала разговорчива. Особенно любит механически повторять сказанное. Если трудное слово, взглянет вопросительно, прищёлкнет язычком – и давай раскрывать рот по количеству слогов. Сделает какое-то неувловимое движение во рту – и вот оно, слово, уже получилось, что-

то вроде бульканья в воде. Многое понимает, обезьянничает. Толя любит с ней играть. Тогда в доме полно хохота, шума, неразберихи, беспорядка. Хотя дочка и побаивается его: отец бывает строгим, требовательным. Если сказал спать – ложится без разговоров. А ко мне отношение плёвое. Вернее, считает меня за хорошую интересную игрушку. Не угомонится перед сном, пока со мной не наиграется, не наговорится, не наплачется. И всё тянет резину: «есть х́очу, п́исать х́очу, колекá (молока) х́очу, п́итя дай, кáка буду, Катьку (куклу) дай». И я сижу рядом – рассказываю или пою. Потом, выйдя из себя, прикрикну. Ничего не помогает. Слёзы, улыбка, смех. Но стоит только отцу подойти к кроватке, как она сразу же закрывает глаза и засыпает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.